

RU

Экзистенциальный разрыв как онтологическое основание когнитивного суверенитета: от Dasein к суверенной когнитивной системе

Большаков Е. В.

Аннотация. Цель исследования – обосновать когнитивный суверенитет индивида как экзистенциально-эпистемическое условие, корнящееся в онтологическом разрыве Dasein. Научная новизна заключается в разработке концепции «экзистенциально-эпистемического реализма», в рамках которой впервые дискуссия Э. В. Ильенкова и Д. И. Дубровского получает разрешение через экзистенциальную аналитику М. Хайдеггера. В категориальный аппарат вводится понятие «когнитивной решимости» как исторического модуса решимости, описывающего способность индивида к рефлексивной остановке в условиях тотальной алгоритмической среды. Четырехуровневая модель когнитивного выбора получает экзистенциально-эпистемическую интерпретацию через фундаментальные экзистенциалы Dasein (заброшенность, бытие-к-смерти, тревога, решимость), органически включающую intersubjective измерение (Mitsein). В результате исследования показано, что когнитивный суверенитет является не психологическим качеством или социальным свойством, а экзистенциально-эпистемической способностью Dasein, делающей возможными когнитивные процессы выбора, рефлексии и самодетерминации. Обосновано, что экзистенциальный разрыв между фактичностью и экзистенцией выступает условием подлинного познания. Разработаны практические импликации модели для педагогики, информационной безопасности, психологии и юридической практики, ориентированные на развитие когнитивной автономии личности, а также на защиту экзистенциального разрыва как онтологического основания суверенности человека в условиях симуляции выбора алгоритмами.

EN

The existential gap as the ontological foundation of cognitive sovereignty: from Dasein to a sovereign cognitive system

E. V. Bolshakov

Abstract. The purpose of the study is to substantiate the cognitive sovereignty of the individual as an existential-epistemic condition rooted in the ontological gap of Dasein. The scientific novelty lies in the development of the concept of “existential-epistemic realism”, within which the debate between E. V. Ilyenkov and D. I. Dubrovsky is resolved for the first time through M. Heidegger’s existential analytic. The concept of “cognitive resoluteness” is introduced into the categorical framework as a historical mode of resoluteness, describing an individual’s capacity for reflexive pause within a total algorithmic environment. The four-level model of cognitive choice receives an existential-epistemic interpretation through the fundamental existentials of Dasein (thrownness, being-towards-death, anxiety, resoluteness), organically incorporating the intersubjective dimension (Mitsein). As a result of the study, it is shown that cognitive sovereignty is neither a psychological trait nor a social property, but an existential-epistemic capacity of Dasein that enables the cognitive processes of choice, reflection, and self-determination. It is substantiated that the existential gap between facticity and existence serves as a precondition for authentic cognition. Practical implications of the model are developed for pedagogy, information security, psychology, and legal practice, aiming at fostering the cognitive autonomy of the individual and protecting the existential gap as the ontological foundation of human sovereignty in the face of the algorithmic simulation of choice.

Введение

Современная эпоха характеризуется беспрецедентным уровнем технологического опосредования всех сфер человеческого существования. Цифровые экосистемы, алгоритмы рекомендательных систем, технологии

поведенческой экономики и системы искусственного интеллекта создают ситуацию, в которой индивид сталкивается с тотальной симуляцией выбора. Человек цифровой эпохи оказывается в парадоксальных обстоятельствах: никогда еще спектр доступных ему выборов не был столь широк и никогда еще его выбор не был столь предопределен. Алгоритмы «знают» пользователя лучше, чем он знает сам себя, они предсказывают и модифицируют его поведение, формируют его желания, страхи и убеждения. «Общественное мнение» в цифровую эпоху может быть симулировано ботами (Большаков, 2026b, с. 347). Как отмечает Б. В. Марков, «традиционные ценности правды, справедливости, стыда, совести, ответственности, долга, прощения, любви в процессе цивилизации уступают место функциональным и формальным отношениям. Новый импульс в этом направлении дают цифровые технологии, открывающие возможность вынесения этических и юридических решений уже не людьми, а машинами» (2022, с. 512). В этих условиях классические философские концепции субъекта и свободы воли оказываются недостаточными. Традиционная антропология, рассматривающая человека как автономного субъекта, наделенного свободой выбора, сталкивается с фундаментальным вызовом: если мои желания, убеждения и даже нравственные интуиции формируются алгоритмами, то в каком смысле я могу считаться свободным и ответственным существом? Ответ на этот вопрос требует не просто эпистемологического или антропологического, но экзистенциально-эпистемического анализа – анализа того, каким образом экзистенциальные структуры Dasein обуславливают возможность когнитивных процессов, включая процессы выбора, рефлексии и самодетерминации.

Актуальность настоящего исследования детерминирована фундаментальным антропологическим сдвигом, вызванным тотальной цифровизацией всех сфер человеческого существования. Мы являемся свидетелями возникновения принципиально новой онтологической ситуации, в которой классические субъект-объектные и материалистически-идеалистические парадигмы демонстрируют свою эпистемическую недостаточность. Современные алгоритмические экосистемы, основанные на технологиях поведенческой экономики и искусственного интеллекта, выходят за рамки простого инструментария, превращаясь в активных агентов формирования субъективности. Индивид сталкивается с парадоксом «симуляции выбора»: беспрецедентный спектр возможностей на деле оказывается жестко предопределенным математическими моделями, которые не просто предсказывают, но и конституируют наши желания, страхи и убеждения. В этом контексте классическая дискуссия между социально-деятельностным подходом (Э. В. Ильенков) и информационно-нейродинамическим подходом (Д. И. Дубровский) заходит в тупик, поскольку обе концепции описывают фактичность («то, что есть»), но не могут дать экзистенциального обоснования автономии субъекта («то, как и почему это возможно»). Особую остроту проблеме придает феномен «неподлинности, возведенной в абсолют»: тревога, служащая онтологическим локомотивом подлинного выбора, сегодня сама может быть симулирована алгоритмами. Следовательно, философия оказывается перед необходимостью не просто констатировать угрозы, но предложить новую экзистенциально-эпистемическую парадигму, способную обосновать когнитивный суверенитет как условие сохранения человеческой идентичности в цифровую эпоху.

Проблема исследования заключается в следующем – когнитивный суверенитет индивида есть экзистенциально-эпистемическое условие – способ бытия Dasein, делающий возможными определенные когнитивные процессы, включая процессы выбора, рефлексии и самодетерминации. Это условие коренится в экзистенциальном разрыве Dasein – онтологическом зазоре между фактичностью (тем, что есть) и экзистенцией (тем, кем я могу быть). Этот разрыв, конституируемый фундаментальными экзистенциалами Dasein (заброшенностью, бытием-к-смерти, тревогой и решимостью), представляет собой условие возможности подлинного выбора и, соответственно, когнитивного суверенитета.

В настоящем исследовании необходимо решить следующие задачи:

- 1) раскрыть антропологические и эпистемологические ограничения классической дискуссии о природе идеального и обосновать необходимость перехода к экзистенциально-эпистемическому анализу бытия индивида;
- 2) дать строгую дефиницию экзистенциального разрыва через экспликацию фундаментальных экзистенциалов Dasein и показать его роль как условия возможности когнитивных процессов;
- 3) осуществить экзистенциально-эпистемическую интерпретацию четырехуровневой модели когнитивного выбора, связав каждый уровень с соответствующим экзистенциалом как с условием его возможности;
- 4) обосновать необходимость введения когнитивного измерения решимости как ответа на вызовы цифровой эпохи, понимая его не как новый экзистенциал, а как исторический модус решимости;
- 5) показать, что интерсубъективное измерение органически включено в структуру когнитивного суверенитета, поскольку Dasein всегда есть Mitsein (со-бытие);
- 6) Предложить практические импликации разработанной концепции для педагогики, информационной безопасности, психологии и юридической практики.

Методологической базой работы выступает экзистенциально-эпистемический подход – синтез феноменологического метода М. Хайдеггера, герменевтической традиции Х.-Г. Гадамера и элементов аналитической эпистемологии. Такой синтез позволяет описать экзистенциальные структуры Dasein не как онтологические данности, а как условия возможности когнитивных процессов. Феноменологический метод в версии М. Хайдеггера используется как способ описания экзистенциальной структуры Dasein через анализ фундаментальных экзистенциалов. Феноменологическая установка позволяет «вернуться к самим вещам», то есть описать структуры бытия Dasein так, как они являются самому Dasein в его фактическом существовании,

и показать, каким образом эти структуры обуславливают когнитивные процессы. Герменевтический метод применяется для интерпретации классических текстов М. Хайдеггера, Э. В. Ильенкова и Д. И. Дубровского. Герменевтический подход позволяет не просто цитировать классиков, но реконструировать имплицитные предпосылки их концепций и выявлять их скрытый эпистемический смысл. Элементы аналитической эпистемологии используются для уточнения эпистемического статуса когнитивного суверенитета. Аналитический подход требует ясности в определении понятий и строгости в обосновании выводов. Элементы системного анализа используются при построении четырехуровневой модели когнитивного выбора. Системный подход требует рассматривать личность не как механическую сумму «социального» и «биологического», а как целостность, где эти компоненты находятся в отношениях взаимной детерминации. Интерсубъективный подход органически включен в методологию, поскольку Dasein всегда есть Mitsein (со-бытие) (Хайдеггер, 2023, с. 141-150). Это не дополнение, а конститутивный элемент экзистенциально-эпистемического анализа.

Теоретическая база работы представляет собой синтез нескольких философских традиций, интегрированных в единый экзистенциально-эпистемический подход. Основу исследования составляют следующие источники: фундаментальная онтология М. Хайдеггера (2023); социально-деятельностная концепция идеального Э. В. Ильенкова (1968; 2018); информационный подход к проблеме «сознание и мозг», природе субъективной реальности Д. И. Дубровского (2002; 2013; 2023); предшествующие исследования автора, посвященные разработке четырехуровневой модели когнитивного суверенитета индивида, исследованию социальной реальности как онтологической основе соотношения нравственности, морали и права (Большаков, 2026а; 2026б); исследованию юридического конфликта как антропологического и культурного феномена (Большаков, Панов, 2026); теория интерсубъективности (Гадамер, 1988); теория коммуникативного действия (Хабермас, 2001).

Теоретическая значимость работы заключается в радикальном пересмотре оснований философской антропологии и эпистемологии через призму фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Впервые дискуссия между Э. В. Ильенковым и Д. И. Дубровским получает непротиворечивое разрешение через экзистенциально-эпистемическое снятие. Демонстрируется, что социальное содержание и биологический субстрат являются лишь горизонтами заброшенности Dasein, но не затрагивают его экзистенциальной структуры как условия возможности когнитивных процессов. В категориальный аппарат философии вводится концепт «экзистенциального разрыва» как онтологического зазора между фактичностью и экзистенцией, который концептуализируется как условие возможности подлинного выбора. Обосновывается необходимость введения «когнитивной решимости» — не как нового экзистенциала, а как исторического модуса решимости, адекватного вызовам алгоритмической эпохи. Предложенная четырехуровневая модель когнитивного выбора получает глубокое экзистенциально-эпистемическое обоснование, где каждый уровень (от субстратного до волевого) коррелирует с соответствующими экзистенциалами (заброшенность, бытие-к-смерти, тревога, решимость). Это позволяет преодолеть редукционизм естественных наук, не впадая при этом в метафизический спиритуализм. Обоснована философская позиция «экзистенциально-эпистемического реализма», которая утверждает реальность экзистенциального разрыва как фундаментального условия познания и рассматривает когнитивный суверенитет как императив цифровой эпохи.

Результатом исследования является разработка новой философской парадигмы, которую можно назвать «экзистенциально-эпистемическим реализмом». Экзистенциально-эпистемический реализм — это философская позиция, утверждающая:

1. Реальность экзистенциального разрыва как условия возможности когнитивных процессов. Экзистенциальный разрыв есть не просто описание субъективного переживания, а фундаментальная структура Dasein, делающая возможными рефлексия, выбор и самодетерминацию.
2. Когнитивный суверенитет как экзистенциально-эпистемическую способность Dasein, а не психологическое качество или социальное свойство. Когнитивный суверенитет есть способ, которым Dasein реализует свою экзистенцию в условиях тотальной детерминации, делая возможными определенные когнитивные процессы.
3. Необходимость когнитивного измерения решимости для адекватного описания Dasein в цифровую эпоху. Без этого измерения фундаментальная онтология М. Хайдеггера остается неполной, поскольку не описывает эпистемические условия перехода от неподлинного к подлинному существованию.
4. Интерсубъективный характер когнитивного суверенитета — способность, реализуемая не в изоляции, а в пространстве подлинной коммуникации с другими. Поскольку Dasein всегда есть Mitsein, когнитивный суверенитет всегда уже интерсубъективен.
5. Снятие спора между социальным и биологическим детерминизмом через признание того, что оба описывают фактичность Dasein, но не его экзистенцию как условие возможности когнитивных процессов. Социальное и биологическое суть горизонты заброшенности, суверенитет есть экзистенциально-эпистемическая способность.

Разработанная теоретическая модель имеет широкий спектр практических импликаций, выходящих за пределы сугубо академической философии и ориентированных на гуманитарные и социальные практики.

Модель переориентирует цели образования с простой трансляции информации («содержательное наполнение») на формирование «когнитивной решимости». Предложены конкретные практики развития рефлексивного торможения, экзистенциальной рефлексии и интерсубъективной верификации, что позволяет формировать критическое мышление и ценностное самоопределение личности в условиях информационной перегрузки. Концепция когнитивного суверенитета предоставляет методологический инструментарий

для проектирования стратегий «когнитивной резистентности». Она обосновывает необходимость развития алгоритмической грамотности и «когнитивного иммунитета» как средств противостояния манипуляциям и разрушения «информационных пузырей». Предложенная модель задает новые ориентиры для психодиагностики и психотерапии, фокусируясь не только на личностных чертах, но и на уровне развития экзистенциальных способностей (готовность к тревоге, способность к решимости), что позволяет перейти от фатализма предопределенности к практикам поддержки автономии клиента. Исследование вносит вклад в переосмысление правосубъектности в цифровую эпоху. Понимание субъекта права как экзистенциальной способности к самоопределению требует защиты когнитивного суверенитета в качестве новой правовой ценности, а также защиты пространства подлинной (не симулированной) коммуникации.

Обсуждение и результаты

Отечественная философская мысль второй половины XX века предложила две фундаментальные концепции, описывающие природу идеального и его отношение к материальному миру. Дискуссия между Э. В. Ильенковым и Д. И. Дубровским, продолжающаяся и поныне, представляет собой одну из наиболее значительных страниц в истории российской философии (Дубровский, 2023).

Позиция Э. В. Ильенкова исходит из тезиса К. Маркса: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (1952, с. 19). Однако Э. В. Ильенков дает этой формуле максималистскую интерпретацию: «Идеальное – это схема реальной, предметной деятельности человека, согласующаяся с формой вещи вне головы, вне мозга» (2018, с. 31). Сознание, таким образом, оказывается не локализованным «в голове», а «развязанным» в пространстве социального взаимодействия (Большаков, 2026а, с. 585). С позиции Э. В. Ильенкова, человек есть «совокупность всех общественных отношений, завязывающихся между людьми вокруг одного общего дела, вокруг процесса общественного производства их жизни» (2018, с. 83). Ключевой тезис Э. В. Ильенкова: «...все люди, родившиеся с биологически нормальным мозгом (а “норма” включает в себя и предполагает ту самую индивидуально-неповторимую “вариабельность”)... в потенции талантливы, способны, одарены» (1968, с. 151). Таким образом, различия в способностях определяются характером социальных условий и активностью человека по освоению культуры (Большаков, 2026а, с. 585).

Позиция Д. И. Дубровского строится на понятии «субъективной реальности»: «Если материальное есть объективная реальность, то идеальное не может быть не чем иным, как субъективной реальностью. Определение идеального в качестве субъективной реальности является исходным и должно сохранять свое значение во всех контекстах, где употребляется категория идеального» (Дубровский, 2002, с. 23–24). Субъективная реальность есть «информация, воплощенная (закодированная) в определенной мозговой нейродинамической системе», но данная субъекту в «чистом виде» (Дубровский, 2013, с. 93). Важнейший онтологический вывод Д. И. Дубровского (2013): явления субъективной реальности суть актуализованная мозговая системой информация, выполняющая функцию управления. Д. И. Дубровский отмечает: «Обоснование реальности свободы воли как актов самодетерминации мозговой Эго-системы позволяет теоретически корректно “соединить” наше Я с нашим мозгом, глубже осмыслить проблемы психической саморегуляции и “ментального” управления собой» (2013, с. 95).

Тупик дискуссии становится очевидным при сопоставлении позиций. Э. В. Ильенков прав, обличая биологический фатализм и попытки «заклеймить» человека его генами. Д. И. Дубровский прав, напоминая о том, что социальное не всесильно, что есть нечто в человеке, что не сводится к усвоенным культурным кодам. Однако по отдельности они недостаточны. Э. В. Ильенков рискует растворить личность в социуме, лишит ее внутреннего мира и автономии. Д. И. Дубровский рискует впасть в нейробиологический детерминизм, где «неустранимое личностное ядро» может быть истолковано как новая версия неизменной «человеческой природы» (Большаков, 2026а, с. 586).

Обе позиции описывают фактичность (то, что есть), но не объясняют возможность автономного изменения этой фактичности. Они отвечают на вопрос «что есть человек?», но не дают экзистенциально-эпистемического обоснования тому, как человек может стать тем, кем он еще не является. Именно здесь, как будет показано в настоящей статье, необходим переход к фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, понятой не как альтернатива, а как экзистенциально-эпистемическое основание для синтеза обеих позиций.

В предшествующих исследованиях автора была предложена четырехуровневая модель когнитивного суверенитета индивида (Большаков, 2026а, с. 587), представляющая собой диалектическую интеграцию идей Э. В. Ильенкова и Д. И. Дубровского. Согласно этой модели, когнитивный суверенитет включает четыре взаимосвязанных уровня:

1. Субстратная основа – уникальное биопсихическое ядро – нейродинамическая организация мозга, особенности памяти, темперамента, сенсорики. Это то, что обеспечивает непрерывность и идентичность «Я», его «неустранимый остаток», первичную самость. Этот уровень дает энергию, темп и индивидуальный стиль деятельности, но не определяет ее содержания.
2. Содержательное наполнение – интериоризованные социальные нормы, ценности, знания, схемы деятельности, язык. Это то, что образует ценностно-смысловой каркас личности, ее мировоззрение, убеждения, идеалы. Этот уровень предоставляет субъекту материал для выбора, «программы» действия.
3. Рефлексивный механизм (синтез) – способность к самоотображению, позволяющая личности не просто переживать состояния, но и оценивать их, становиться в рефлексивную позицию по отношению к собственным мотивам, желаниям и убеждениям. Это «инстанция» внутреннего диалога и самоконтроля.

4. Волевой акт (праксеология) – способность, опираясь на рефлексивную оценку, совершить выбор и реализовать его в действии, преобразуя как внешнюю среду, так и самого себя. Это момент свободы, когда субъект не просто следует внешней программе или внутреннему импульсу, но утверждает себя в ограниченном, но решающем пространстве личного выбора.

Эта модель, как было показано, позволяет преодолеть крайности как социологического, так и биологического детерминизма. Когнитивный суверенитет «суть новое качество – способность индивида производить новые когнитивные состояния, которые не были жестко заданы ни социальной программой, ни нейродинамической предрасположенностью» (Большаков, 2026а, с. 587).

Однако при всей своей эвристической ценности эта модель описывает механизм, но не объясняет его экзистенциально-эпистемическое условие. Она отвечает на вопрос «как работает когнитивный суверенитет?», но оставляет открытым вопрос «почему он вообще возможен?». Откуда у субъекта, сформированного социумом и укорененного в биологии, берется способность к автономному рефлексивному выбору? Почему рефлексивный механизм способен «остановить автоматическую нейродинамическую реакцию» и «задержать принятие социальной программы»? Ответ в рамках классической субъект-объектной парадигмы, где субъект противопоставлен объекту, а сознание – мозгу, невозможен. Требуется переход к экзистенциально-эпистемическому анализу, который показывает, что сама потенция к рефлексии и выбору коренится в экзистенциальной структуре Dasein – в его способности быть «впереди себя», проектировать себя на свои возможности, что становится актуальным благодаря экзистенциальному разрыву между фактичностью и экзистенцией.

Философская антропология, как бы глубоко она ни проникала в структуру человеческого бытия, неизбежно сталкивается с фундаментальным ограничением: она всегда уже предполагает то, что пытается объяснить. Как справедливо отмечает М. Хайдеггер, «сущее, анализ которого стоит как задача, это всегда мы сами. Бытие этого сущего всегда мое» (2023, с. 59). Однако это «всегда мое» не должно вводить в заблуждение относительно онтологического статуса этого сущего. Традиционная антропология, идущая от греческого определения человека как разумного живого существа и христианско-теологической интерпретации человека как образа Божьего, «показывает, что через определение сущности сущего “человек” вопрос о его бытии оказывается забыт, это бытие берется скорее как “самопонятное” в смысле наличествования прочих сотворенных вещей» (Хайдеггер, 2023, с. 66–67). Даже самые радикальные антропологические концепции, включая персонализм и философию жизни, «не достигают измерения вопроса о бытии присутствия» (Хайдеггер, 2023, с. 63–68). Они остаются в пределах онтического – описания того, что есть человек, не доходя до онтологического – вопроса о том, как существует это сущее. М. Хайдеггер отмечает: «Онтическое отличие присутствия в том, что оно существует онтологично. Быть онтологичным значит здесь не: выстраивать онтологию. Если мы поэтому резервируем титул онтология для эксплицитного теоретического вопрошания о смысле сущего, то имеющееся в виду бытие-онтологичным присутствия следует обозначить как доонтологическое. Это опять же означает не скажем все равно что просто онтически-сущее, но сущее способом понимания бытия» (Хайдеггер, 2023, с. 26).

Ключевая проблема антропологизма заключается в том, что он всегда уже предполагает определенную «идею человека» и на ее основе интерпретирует все его проявления. Если «идея человека» берется из эмпирического наблюдения, то она не может служить экзистенциально-эпистемическим основанием. Если она постулируется априорно, то она произвольна. Как пишет М. Хайдеггер, «присутствие опять же никогда не получится онтологически определить, установив его как жизнь (онтологически неопределенную) – и сверх того еще что-то другое» (2023, с. 68).

Для решения проблемы когнитивного суверенитета необходимо выйти за пределы антропологизма и перейти к экзистенциально-эпистемическому анализу, который показывает, что когнитивные процессы возможны только на основе экзистенциальной структуры присутствия (Dasein).

Выход из антропологического тупика требует радикальной смены вопроса. Вместо вопроса «что есть человек?» необходимо поставить вопрос «как существует Dasein?». Этот переход, предлагаемый фундаментальной онтологией М. Хайдеггера, означает «деструкцию» традиционного понятия субъекта – не его отрицание, а выявление его экзистенциально-эпистемических оснований. По М. Хайдеггеру, «деструкция» – это не разрушение, а «расшатывание окостеневшей традиции и отслоение наращенных ею сокрытий» (2023, с. 37–38). Деструкция «призвана очертить эту последнюю в ее позитивных возможностях, а это всегда значит в ее границах» (Хайдеггер, 2023, с. 38). Применительно к проблеме субъекта это означает: необходимо выявить экзистенциальную структуру, которая делает возможным само существование субъекта, его способность к выбору и самодетерминации.

Только экзистенциально-эпистемический анализ может обосновать свободу, не впадая в метафизический спиритуализм (свобода как свойство «души») или жесткий детерминизм (свобода как иллюзия). Как подчеркивает М. Хайдеггер, «онтологическое разыскание есть определенный возможный род толкования, характеризованный как выработка и усвоение понимания» (2023, с. 264), и исходность этого толкования зависит от того, насколько адекватно оно схватывает бытийное устройство тематического сущего.

Переход от антропологии к экзистенциально-эпистемическому анализу означает, что мы спрашиваем не о «свойствах» человека (разум, воля, свобода, ответственность), но о способе бытия, который делает эти свойства возможными. Этот способ бытия М. Хайдеггер называет Dasein – «присутствием», сущим, «для которого в его бытии речь идет о самом этом бытии» (2023, с. 20–21). Именно этот способ бытия, как будет показано, является условием возможности когнитивного суверенитета.

Ключевое отличие Dasein от традиционного субъекта заключается в том, что Dasein не есть нечто наличное, обладающее определенными свойствами. «“Сущность” этого сущего лежит в его бытии. Что-бытие (essentia) этого сущего, насколько о нем вообще можно говорить, должно пониматься из его бытия (existentia)» (Хайдеггер, 2023, с. 59). Dasein есть сущее, чья «сущность» – в экзистенции, в способе быть, а не в том, что оно есть. М. Хайдеггер подчеркивает: «“Сущность” присутствия лежит в его экзистенции. Выделимые в этом сущем черты поэтому суть не наличные “свойства” некоего так-то и так-то “выглядящего” наличного сущего, но всякий раз возможные для него способы быть и только это» (2023, с. 59). Это означает, что Dasein не есть нечто, что можно зафиксировать и описать, оно есть то, что всегда находится в процессе становления, в проекте своего бытия.

Эпистемическая импликация этого различия фундаментальна: если Dasein есть способ быть, а не набор свойств, то когнитивные процессы (мышление, восприятие, память, выбор) не могут быть поняты как функции наличного субстрата (мозга) или как продукты социальной среды. Они суть способы экзистирования Dasein, способы его бытия-в-мире. Это означает, что когнитивный суверенитет не может быть понят как «качество» личности или как «свойство» сознания, он есть способ экзистирования Dasein, делающий возможными определенные когнитивные процессы.

Традиционный субъект, напротив, понимается как нечто постоянное, тождественное, обладающее определенными атрибутами (сознание, воля, разум). Даже когда философы отказываются от субстанциального понимания субъекта, они сохраняют онтологическую установку на его наличность. Dasein же есть сущее, «в своем бытии оно имеет бытийное отношение к этому бытию» (Хайдеггер, 2023, с. 26). Это само-отнесение не есть рефлексия в смысле самосознания, это экзистенциальная структура, конституирующая само бытие Dasein. Dasein всегда уже понимает себя в своем бытии, и это понимание есть не просто знание, а способ бытия (Хайдеггер, 2023, с. 26-27). Именно это понимание себя в своем бытии делает возможной рефлексию как когнитивный процесс.

М. Хайдеггер проводит фундаментальное различие между категориями и экзистенциалами. Категории суть «бытийные определения неприсутствиеразмерного сущего» (Хайдеггер, 2023, с. 62). Они описывают то, что есть, – свойства, атрибуты, характеристики наличного. Экзистенциалы же суть «бытийные черты присутствия» (Хайдеггер, 2023, с. 62), способы его бытия, которые не могут быть поняты как свойства. «Экзистенциалы и категории суть две основовозможности бытийных черт. Отвечающее им сущее требует всегда разного способа первичного опроса: сущее есть кто (экзистенция) или что (наличность в широчайшем смысле)» (Хайдеггер, 2023, с. 62). Dasein есть «кто», а не «что», его бытийные черты суть способы экзистирования, а не наличные свойства. Эпистемическая импликация этого различия состоит в том, что экзистенциалы не являются когнитивными функциями, но они делают когнитивные функции возможными. Тревога не есть «рефлексивный механизм», но она делает рефлексию возможной, создавая «зазор» между автоматической реакцией и осознанным выбором. Решимость не есть «волевой акт», но она делает волевой акт возможным, создавая экзистенциальную основу для самодетерминации.

Для понимания экзистенциального разрыва как условия возможности когнитивных процессов необходимо рассмотреть четыре фундаментальных экзистенциала, конституирующих структуру Dasein: заброшенность, бытие-к-смерти, тревогу и решимость.

Заброшенность – это экзистенциальное определение фактичности Dasein. Как пишет М. Хайдеггер, «эту скрытую в своем откуда и куда, но в себе самой тем неприкрытое разомкнутую бытийную черту присутствия, это «так оно есть» мы именуем брошенностью этого сущего в его вот, а именно так, что оно как бытие-в-мире есть это вот» (2023, с. 160). Заброшенность означает, что Dasein всегда уже «вброшено» в определенные условия – социальные, биологические, исторические, культурные. Оно не выбирает свое «вот», свои обстоятельства, свою фактичность. «Фактичность не эмпирия чего-то наличного в его *factum brutum*, но втянутая в экзистенцию, хотя ближайшим образом оттесненная бытийная черта присутствия. Так оно есть фактичности никогда не обнаруживается созерцанием» (Хайдеггер, 2023, с. 161). Эпистемическая импликация здесь следующая: заброшенность есть условие возможности когнитивного содержания. Dasein всегда уже имеет определенный когнитивный материал – социальные нормы, ценности, знания, язык, а также биологические особенности восприятия и памяти. Этот материал не есть «враг» когнитивного суверенитета, он есть условие его возможности. Без этого материала не было бы что рефлексировать и что выбирать. Важно подчеркнуть, что заброшенность не есть нечто, что можно преодолеть или отменить. Она есть экзистенциальная структура, конституирующая само бытие Dasein. «Присутствие как таковое есть всегда вот это, с его бытием уже сущностно открыта взаимосвязь подручного – присутствие, поскольку оно есть, всегда уже себя отослало к встречному “миру”, к бытию присутствия сущностно принадлежит эта невозможность-обойтись-без» (Хайдеггер, 2023, с. 108). В контексте настоящей статьи это означает, что социальная среда (описываемая Э. В. Ильенковым) и биологический субстрат (описываемый Д. И. Дубровским) суть не «враги» свободы, а горизонты заброшенности, из которых Dasein должно совершать свой экзистенциальный прыжок. Социум и нейродинамика – это фактический материал, с которым Dasein должно работать, но который не определяет его полностью. Этот материал есть условие возможности когнитивного содержания, но не когнитивного суверенитета как такового.

Бытие-к-смерти есть экзистенциал, который «высвечивает целостность» Dasein. Смерть понимается не как биологическое событие, а как «наиболее своя, безотносительная и не-обходимая возможность»

(Хайдеггер, 2023, с. 284). «Смерть есть возможность бытия, которую присутствие всякий раз должно взять на себя само. Со смертью присутствие стоит перед собой в его самой своей способности быть» (Хайдеггер, 2023, с. 284). М. Хайдеггер подчеркивает: «Смерть есть возможность прямой невозможности присутствия» (2023, с. 284). Это означает, что бытие-к-смерти есть бытие к возможности собственной невозможности – к тому пределу, за которым Dasein как таковое перестает существовать. Эпистемическая импликация здесь следующая – бытие-к-смерти есть условие возможности когнитивной значимости. Именно конечность Dasein придает его когнитивным процессам значимость. Если бы Dasein было бессмертным, любой выбор мог бы быть отложен на «потом», ни одно решение не имело бы окончательного характера. Конечность создает ситуацию, в которой выбор становится значимым – и, следовательно, требующим когнитивной рефлексии. Экзистенциальная функция бытия-к-смерти – вырвать Dasein из текущей повседневности, из погруженности в озабочивший мир, из власти «люда» (das Man). М. Хайдеггер пишет: «Бытие к смерти есть заступление в способность быть того сущего, чей способ быть есть само заступление. В заступающем разворачивании этой бытийной способности присутствие размыкает себя себе самому в плане своей крайней возможности. Но бросить себя на самую свою способность быть значит: уметь самому понимать в бытии так раскрывшегося сущего: экзистировать. Заступание оказывается возможностью понимания наиболее своей крайней способности быть, т. е. возможностью собственной экзистенции» (2023, с. 297). В контексте проблемы когнитивного суверенитета это означает, что осознание конечности собственного бытия – не как абстрактного знания, а как экзистенциального опыта – создает экзистенциальное условие для когнитивной рефлексии. Когда Dasein понимает, что его время ограничено, оно больше не может позволить себе жить по шаблонам «люда», оно вынуждено выбирать себя, и этот выбор требует когнитивной работы – рефлексии, оценки, самодетерминации.

Тревога – это фундаментальное расположение, которое «уединяет» Dasein и ставит его перед его собственной способностью-быть. В отличие от страха, который всегда имеет определенный предмет, тревога неопределенна. «Отчего ужаса не есть внутримирное сущее. Поэтому с ним по его сути невозможно никакое именование-дела» (Хайдеггер, 2023, с. 217). М. Хайдеггер описывает: «В ужасе встречает не то или это, с чем как угрожающим могло бы иметься-дело... Что угрожающее нигде, характерно для от-чего ужаса. Он “не знает”, что это такое, перед чем он ужасается. “Нигде” однако означает не ничто, но тут лежит область вообще, разомкнутость мира вообще для сущностно пространственного бытия-в» (2023, с. 217). Тревога «отнимает у присутствия возможность падая понимать себя из “мира” и публичной истолкованности. Он отбрасывает присутствие назад к тому, за что берет ужас, к его собственной способности-быть-в-мире. Ужас уединяет присутствие в его наиболее своем бытии-в-мире, которое в качестве понимающего сущностно бросает себя на свои возможности» (Хайдеггер, 2023, с. 218-219). Эпистемическую импликацию здесь можно представить следующим образом: тревога есть условие возможности когнитивной рефлексии. Именно тревога создает тот «зазор» между стимулом и реакцией, в котором становится возможной рефлексивная остановка. Тревога тормозит автоматическую реакцию и открывает пространство для когнитивной оценки. В представленной в настоящей статье модели тревога не отождествляется с рефлексивным механизмом, а понимается как его экзистенциальное условие. Рефлексивный механизм – это способность к самоотображению, позволяющая личности оценивать собственные мотивы, желания и убеждения. Но эта способность становится возможной только потому, что тревога «вырывает» Dasein из автоматического течения повседневности и ставит его перед его собственной способностью-быть. Экзистенциальная функция тревоги – индивидуализация. Тревога вырывает Dasein из власти «люда» (das Man), из погруженности в анонимную повседневность, и ставит его перед лицом его собственной, ни с чем не сравнимой возможности быть. М. Хайдеггер отмечает: «Ужас ставит присутствие перед его освобожденностью для... собственности его бытия как возможности, какая оно всегда уже есть» (2023, с. 219). В контексте когнитивного суверенитета тревога есть то экзистенциальное условие, которое позволяет Dasein остановить автоматическое течение «люда» и алгоритмической детерминации. Именно тревога делает возможным то, что в представленной автором модели было названо «когнитивным торможением» – способностью остановить автоматическую реакцию и ввести рефлексивную паузу.

Решимость есть экзистенциальная структура, в которой Dasein собственно становится самим собой. М. Хайдеггер определяет решимость как «молчаливое, готовое к ужасу бросание себя на самое свое бытие-виновным» (2023, с. 334). Это не психологическое решение, а экзистенциальный акт, в котором Dasein принимает себя в своей заброшенности и конечности. М. Хайдеггер пишет: «Решимость есть отличительный модус разомкнутости присутствия» (2023, с. 334). В решимости Dasein «вводится прямо во всегдашнее озабочившееся бытие при подручном и вталкивается в заботливое событие с другими» (Хайдеггер, 2023, с. 335). Решимость не отрывает Dasein от мира, но позволяет ему быть в мире собственно, а не по шаблонам «люда». Важнейшая характеристика решимости – ее самодостоверность. М. Хайдеггер отмечает: «Уверена в самой себе решимость лишь как решение» (2023, с. 335). Это означает, что решимость не нуждается во внешних гарантиях, она сама есть гарантия своей подлинности. С точки зрения М. Хайдеггера, «Решимость не сначала, ознакомляясь, представляет себе ситуацию, но себя в нее уже поставила. Как решившееся присутствие уже поступает» (2023, с. 337-338). Эпистемическая импликация здесь следующая: решимость есть условие возможности когнитивного выбора. Волевой акт – способность, опираясь на рефлексивную оценку, совершить выбор и реализовать его в действии – становится возможным только потому, что решимость как экзистенциальная структура создает онтологическую основу для самодетерминации. В представленной автором модели решимость не отождествляется с волевым актом, а понимается как его экзистенциальное условие. Волевой акт – это когнитивный процесс, в котором Dasein принимает решение и реализует его. Но этот процесс становится возможным только потому, что решимость как экзистенциальная структура уже «поставила»

Dasein в ситуацию, где оно должно выбрать себя. В контексте когнитивного суверенитета решимость есть-то экзистенциальное условие, которое делает возможным волевой акт – способность, опираясь на рефлексивную оценку, совершить выбор и реализовать его в действии. Без решимости волевой акт был бы просто автоматической реакцией или произвольным импульсом.

На основе анализа четырех фундаментальных экзистенциалов автор предлагает следующее определение экзистенциального разрыва. Экзистенциальный разрыв – это экзистенциальная структура Dasein, представляющая собой зазор между фактичностью (тем, что Dasein есть в своей заброшенности) и экзистенцией (тем, кем Dasein может быть в своей решимости). Этот разрыв есть условие возможности когнитивных процессов выбора, рефлексии и самодетерминации. Это не пропасть, отделяющая Dasein от самого себя, а пространство возможностей, открытое тревогой и конечностью, в котором Dasein совершает прыжок от неподлинного к подлинному существованию.

Экзистенциальный разрыв конституируется:

1. Заброшенностью, которая дает Dasein фактический материал (социальные условия, биологический субстрат), с которым оно должно работать. Это условие возможности когнитивного содержания.

2. Бытием к смерти, которое высвечивает конечность Dasein и делает невозможным откладывание подлинного выбора на «потом». Это условие возможности когнитивной значимости.

3. Тревогой, которая уединяет Dasein, вырывает его из власти «люда» и ставит перед его собственной способностью быть. Это условие возможности когнитивной рефлексии.

4. Решимостью, которая есть акт, в котором Dasein принимает себя в своей заброшенности и конечности и бросает себя на свою собственную способность-быть. Это условие возможности когнитивного выбора.

Ключевой тезис настоящего исследования: экзистенциальный разрыв есть условие возможности когнитивного суверенитета. Без этого разрыва, без этого зазора между тем, что есть, и тем, что может быть, любой выбор был бы лишь автоматической реакцией на внешние стимулы или внутренние импульсы. Когнитивный суверенитет есть способность Dasein реализовать этот разрыв, сделать его пространством подлинного выбора.

В предыдущих исследованиях автора была предложена четырехуровневая модель когнитивного суверенитета, описывающая механизм когнитивного выбора (Большаков, 2026а, с. 587). В настоящей статье автор показывает, что эта модель есть не просто психологическая или социальная конструкция, а экзистенциально-эпистемическая архитектура, описывающая, как именно Dasein совершает переход от неподлинного к подлинному существованию. Каждый уровень модели получает экзистенциально-эпистемическую интерпретацию через фундаментальные экзистенциалы Dasein как условия своей возможности. Это позволяет преодолеть разрыв между эмпирическим описанием когнитивных процессов и экзистенциальным анализом бытия человека.

Субстратная основа (нейродинамическая организация мозга, особенности памяти, темперамента, сенсорики) и содержательное наполнение (интериоризованные социальные нормы, ценности, знания, язык) суть корреляты заброшенности и бытия-в-мире как условий возможности когнитивного материала. М. Хайдеггер пишет: «Присутствие как таковое есть всегда вот это, с его бытием уже сущностно открыта взаимосвязь подручного – присутствие, поскольку оно есть, всегда уже себя отослало к встречному “миру”» (2023, с. 108). Это означает, что Dasein всегда уже находится в мире, всегда уже имеет определенный фактический состав – социальный, биологический, исторический.

Экзистенциально-эпистемическую интерпретацию здесь можно представить следующим образом – социум и нейродинамика не являются «врагами» когнитивного суверенитета. Они суть горизонты заброшенности, из которых Dasein должно совершать свой экзистенциальный прыжок. Как пишет М. Хайдеггер, «в понимании мира всегда понято и бытие-в, понимание экзистенции как таковой есть всегда понимание мира» (2023, с. 173). Понимание мира (социального содержания) и понимание себя (включая биологический субстрат) суть два аспекта одного и того же экзистенциального процесса.

Э. В. Ильенков был прав, подчеркивая, что социальное содержание формирует личность. Д. И. Дубровский был прав, напоминая о неустрашимости биологического оператора. Но оба описывали лишь фактичность Dasein – то, с чем Dasein уже заброшено в мир. Они не описали, как Dasein может трансцендировать эту фактичность, совершить прыжок к своей собственной способности-быть.

В представленной автором настоящей статьи модели субстратная основа и содержательное наполнение понимаются не как «уровни» когнитивного суверенитета, а как материал, с которым работает когнитивная рефлексия. Без этого материала рефлексия была бы пустой, без рефлексии материал был бы просто автоматической реакцией. Когнитивный суверенитет возникает в точке пересечения материала (заброшенность) и акта (решимость), опосредованных рефлексией (тревога) и осознанием конечности (бытие-к-смерти).

Рефлексивный механизм – способность к самоотображению, позволяющая личности не просто переживать состояния, но и оценивать их – имеет своим экзистенциальным условием тревогу.

М. Хайдеггер подчеркивает: «Ужас ставит присутствие перед его освобожденностью для... (propensio in...) собственности его бытия как возможности, какая оно всегда уже есть» (2023, с. 219). Тревога останавливает автоматическое течение повседневности, вырывает Dasein из погруженности в озаботивший мир и ставит его перед его собственной способностью-быть. Экзистенциально-эпистемическая интерпретация – в разрабатываемой автором модели рефлексивный механизм описывается как «оператор когнитивного торможения», позволяющий личности «остановить автоматическую нейродинамическую реакцию, задержать принятие социальной программы, ввести в интервал оценки смыслов, основанную на уникальной истории собственных интериоризаций» (Большаков, 2026а, с. 587). Экзистенциальное условие этого механизма – тревога. Именно тревога создает тот «зазор» между стимулом и реакцией, в котором становится возможной рефлексия.

Без тревоги Dasein оставалось бы в плену автоматических реакций – будь то социальных (Э. В. Ильенков) или нейродинамических (Д. И. Дубровский). Как пишет М. Хайдеггер, «ужас уединяет присутствие в его наиболее своем бытии-в-мире, которое в качестве понимающего сущностно бросает себя на свои возможности» (2023, с. 219). Это уединение и есть рефлексивный механизм в его экзистенциальном измерении – способность Dasein выйти из «люда» (das Man) и стать перед лицом своей собственной способности-быть. Важно подчеркнуть, что тревога не есть сам рефлексивный механизм, она есть его экзистенциальное условие. Рефлексивный механизм – это когнитивная способность, а тревога – это экзистенциальное расположение. Но без тревоги рефлексивный механизм не мог бы функционировать, потому что не было бы «зазора», в котором рефлексия могла бы осуществиться.

Волевой акт – способность, опираясь на рефлексивную оценку, совершить выбор и реализовать его в действии – имеет своим экзистенциальным условием решимость. М. Хайдеггер определяет решимость как «молчаливое, готовое к ужасу бросание себя на самое свое бытие-виновным» (2023, с. 334). В решимости Dasein «впервые вводит присутствие в возможность позволить сосуществующим другим “быть” в их наиболее своей бытийной способности и соразмыкать ее в заступнически-освободительной заботливости» (Хайдеггер, 2023, с. 335). Экзистенциально-эпистемическая интерпретация – в представленной автором настоящей статьи модели волевой акт описывался как «момент свободы, когда субъект не просто следует внешней программе или внутреннему импульсу, но утверждает себя в ограниченном, но решающем пространстве личного выбора» (Большаков, 2026а, с. 587). Экзистенциальное условие волевого акта – решимость. Решимость есть экзистенциальный акт, в котором Dasein принимает себя в своей заброшенности и конечности и утверждает себя как способность-быть. Это не психологическое усилие, а экзистенциальное событие, которое делает возможным волевой акт как когнитивный процесс. М. Хайдеггер подчеркивает: «Решимость не сначала, ознакомляясь, представляет себе ситуацию, но себя в нее уже поставила. Как решившееся присутствие уже поступает» (2023, с. 337-338). Это означает, что волевой акт не есть предварительное обдумывание, а есть само действие. Dasein не выбирает сначала, а потом действует, оно действует, и в этом действии оно выбирает себя. Волевой акт как когнитивный процесс становится возможным потому, что решимость как экзистенциальная структура уже «поставила» Dasein в ситуацию выбора.

Интерсубъективное, в настоящем исследовании, понимается как конститутивный элемент модели. Как показывает М. Хайдеггер (2023, с. 141-150), Dasein есть всегда со-бытие (Mitsein). Подлинное существование не есть уединение – оно есть способ бытия с другими, при котором другие не становятся объектами манипуляции, а признаются в их собственной способности-быть. Можно следующим образом выразить экзистенциально-эпистемическую интерпретацию – в цифровую эпоху это означает, что когнитивный суверенитет не может быть только индивидуальным достижением – он должен быть интерсубъективным проектом. Как справедливо отмечает Л. В. Удалова, «в условиях цифровой эпохи приватность приобретает новые черты, что требует ее переосмысления как трансформирующегося социального института» (2025, с. 21). То же самое верно и о суверенитете: он требует переосмысления как интерсубъективного феномена.

Интерсубъективное измерение когнитивного суверенитета включает:

1. Совместную рефлексия – способность коллективно анализировать алгоритмическое воздействие и вырабатывать стратегии сопротивления. Эта способность становится возможной благодаря Mitsein как экзистенциальной структуре.
2. Взаимное признание – способность признавать других в их способности-быть, не сводя их к объектам алгоритмического управления. Это признание есть модус бытия-с-другими.
3. Коммуникативную верификацию – способность проверять подлинность выбора через коммуникацию с другими. Эта верификация становится возможной благодаря тому, что Dasein всегда уже находится в пространстве интерсубъективности.
4. Коллективное самоопределение – способность определять себя не через алгоритмические категории, а через совместно выработанные смыслы. Это самоопределение есть модус бытия-в-мире с другими.

Таким образом, интерсубъективное измерение не дополняет модель, а пронизывает ее насквозь. Каждый уровень модели – и субстратная основа, и содержательное наполнение, и рефлексивный механизм, и волевой акт – всегда уже интерсубъективен, потому что Dasein всегда есть Mitsein.

Интеграция четырехуровневой модели когнитивного суверенитета личности с экзистенциальной аналитикой М. Хайдеггера и органическое включение интерсубъективного измерения позволяет дать экзистенциально-эпистемическое определение когнитивного суверенитета.

Когнитивный суверенитет есть экзистенциально-эпистемическая способность – способность Dasein осуществлять рефлексивную остановку (ставшую возможной благодаря тревоге) автоматических реакций (детерминированных заброшенностью), проектировать себя на собственную способность-быть (высвеченную бытием-к-смерти) и принимать экзистенциальные решения (совершаемые в решимости), верифицируя их в пространстве интерсубъективной коммуникации (Mitsein).

Когнитивный суверенитет не есть свойство, которым Dasein обладает, это способ, которым Dasein есть. Как пишет М. Хайдеггер, «присутствие есть всегда своя возможность и “имеет” ее не всего лишь свойством как нечто наличное» (2023, с. 60). Когнитивный суверенитет – это не «качество» личности, а способ ее экзистирования, делающий возможными определенные когнитивные процессы. В этом смысле когнитивный суверенитет есть реализованная способность – не в том смысле, что она когда-то была реализована и теперь является достижением, а в том, что она постоянно реализуется в каждом акте подлинного выбора. Как пишет М. Хайдеггер, «решимость как собственное бытие-собой не отрешает присутствие от его мира, не изолирует

его до свободнопарящего Я. Да и как бы она это смогла – когда как собственная разомкнутость она ведь есть не что иное как собственно бытие-в-мире» (Хайдеггер 2023, с. 335).

Фундаментальная онтология М. Хайдеггера совершила революционный прорыв, описав экзистенциальную структуру Dasein и показав, что подлинное существование возможно лишь через решимость, через принятие себя в своей конечности и заброшенности. Однако в аналитике М. Хайдеггера остается существенная лакуна, которая становится особенно значимой в цифровую эпоху. М. Хайдеггер описал структуру экзистенциального разрыва – зазор между заброшенностью и решимостью, между неподлинным и подлинным существованием. Но он не описал эпистемические условия перехода через этот разрыв. Решимость у М. Хайдеггера предстает как нечто, что Dasein либо совершает, либо нет, но как именно оно ее совершает, – остается не проясненным с эпистемической точки зрения. Это ограничение не случайно. М. Хайдеггер сознательно избегал любой «методики» подлинного существования, считая, что попытка описать механизм решимости неизбежно приведет к ее искажению. Как он пишет, «решимость “экзистирует” лишь как понимающе-бросающее-себя решение. Но на что размыкает себя присутствие в решимости? На что должно оно решиться? Ответ способно дать только само решение» (2023, с. 335). Однако в условиях цифровой эпохи эта принципиальная неопределенность становится опасной. Если М. Хайдеггер мог позволить себе оставить решимость как «черный ящик», полагаясь на экзистенциальную интуицию Dasein, то сегодня, когда алгоритмы и цифровые экосистемы систематически симулируют подлинный выбор, мы больше не можем позволить себе этой роскоши. Нам необходимо понять эпистемические условия, при которых решимость становится возможной, и когнитивные механизмы, через которые она осуществляется.

Цифровая эпоха создает принципиально новую угрозу – симуляцию подлинности. Человек может быть уверен, что выбирает, но на самом деле исполнять алгоритмический скрипт. «Люди» (das Man) М. Хайдеггера (2023, с. 150-155), это анонимное «все», которое диктует, что делать и как быть, в цифровую эпоху обретает новую, технологическую форму. Как было показано в анализе социальной реальности, «алгоритмы могут непосредственно влиять на эмоциональные состояния и когнитивные процессы» (Большаков, 2026b, с. 350). Они формируют наши желания, страхи и убеждения. «Мои желания, страхи, убеждения – в значительной степени продукт взаимодействия с алгоритмами, которые “знают” меня лучше, чем я сам, и которые способны предсказывать и модифицировать мое поведение» (Большаков, 2026b, с. 350). Это создает ситуацию, которую можно назвать «неподлинностью, возведенной в абсолют». Если у М. Хайдеггера Dasein могло, хотя бы в принципе, вырваться из власти «люда» через тревогу и решимость, то в цифровую эпоху сама тревога может быть симулирована, а решимость – подменена алгоритмически сгенерированным «выбором». Как отмечает Б. В. Марков, «цифровые технологии открывают возможность вынесения этических и юридических решений уже не людьми, а машинами» (2022, с. 351). Это означает, что не только наши действия, но и наши ценностные суждения могут быть делегированы алгоритмам. В этих условиях решимость, в интерпретации М. Хайдеггера, рискует стать не более чем иллюзией – иллюзией выбора там, где на самом деле имеет место программирование.

Для ответа на вызовы цифровой эпохи необходимо дополнить фундаментальную онтологию М. Хайдеггера эпистемическим измерением, которое автор предлагает назвать «когнитивной решимостью». Когнитивная решимость – это исторический модус решимости, соответствующий ситуации цифровой эпохи. Это способность Dasein к рефлексивной остановке в условиях тотальной алгоритмической и социальной детерминации, осуществляемая в пространстве intersubjectивной коммуникации. Это не просто решимость в интерпретации М. Хайдеггера, но решимость, осознающая свои эпистемические условия возможности и способная к систематической рефлексии над собственными механизмами выбора. Важно подчеркнуть, что когнитивная решимость не есть новый экзистенциал, а модус решимости, соответствующий исторической ситуации цифровой эпохи. В цифровую эпоху проблематичность экзистенции приобретает когнитивное измерение, требующее специальной рефлексии.

Когнитивная решимость включает:

1. Осознание заброшенности – понимание того, что Dasein всегда уже вброшено в определенные социальные и биологические условия, включая алгоритмическую среду. Это осознание есть эпистемическая операция, делающая возможной рефлексии над условиями собственного познания.
2. Осознание конечности – понимание того, что время Dasein ограничено, и потому откладывание подлинного выбора на «потом» невозможно. Это осознание есть эпистемическая операция, делающая возможной оценку значимости когнитивных процессов.
3. Когнитивное торможение – способность остановить автоматическую реакцию (социальную или нейродинамическую) и ввести рефлексивную паузу. Это когнитивная способность, становящаяся возможной благодаря тревоге как экзистенциальному условию.
4. Рефлексивную оценку – способность оценить предлагаемые алгоритмами и социумом «программы» с точки зрения их соответствия собственной способности-быть. Это когнитивная способность, становящаяся возможной благодаря бытию-к-смерти как экзистенциальному условию.
5. Intersubjectивную верификацию – способность проверять подлинность выбора через коммуникацию с другими. Это когнитивная способность, становящаяся возможной благодаря Mitsein как экзистенциальной структуре.
6. Экзистенциальный выбор – акт, в котором Dasein утверждает себя в своей способности-быть, принимая ответственность за свой выбор. Это когнитивный процесс, становящийся возможным благодаря решимости как экзистенциальному условию.

Ключевой тезис – в условиях тотальной алгоритмической среды когнитивная рефлексия становится не просто психологической функцией, а экзистенциально-эпистемическим условием подлинного существования Dasein. Без этого когнитивного измерения бытие-к-смерти превращается в ритуал, заброшенность – в фатализм, а решимость – в симуляцию.

Введение когнитивного измерения решимости и органическое включение интерсубъективного измерения позволяет окончательно снять апорию дискуссии между Э. В. Ильенковым и Д. И. Дубровским.

Э. В. Ильенков и Д. И. Дубровский правы, описывая фактичность Dasein. Э. В. Ильенков (2018) описывает социальное содержание – то, что Dasein усваивает из мира культуры, языка, традиции. Это описание относится к онтическому уровню – к тому, что Dasein имеет. Д. И. Дубровский (2023) описывает биологический субстрат – нейродинамическую организацию, в которой воплощается субъективная реальность. Это описание также относится к онтическому уровню – к тому, на чем Dasein реализуется. Оба мыслителя описывают то, с чем Dasein уже заброшено в мир. Это горизонты заброшенности, из которых Dasein должно совершать свой экзистенциальный прыжок. Однако ни Э. В. Ильенков, ни Д. И. Дубровский не описывают, как именно Dasein совершает этот прыжок. Исследование работы М. Хайдеггера (2023) «Бытие и время», а также проводимый автором в настоящей статье экзистенциально-эпистемический анализ позволяют выявить условия и механизмы этого прыжка. М. Хайдеггер (2023, с. 215-221) описывает структуру экзистенциального разрыва – разомкнутость между фактичностью и экзистенцией, открытый тревогой и конечностью. Это описание относится к онтологическому уровню – к тому, как Dasein есть. Необходимо отметить, что М. Хайдеггер (2023) не использовал в работе «Бытие и время» понятие «экзистенциальный разрыв», данное понятие вводится автором статьи для реализации своей концепции.

Экзистенциально-эпистемический анализ описывает когнитивные процессы, становящиеся возможными благодаря этому разрыву, – способность Dasein к рефлексивной остановке, самодетерминации и интерсубъективной верификации. Это описание относится к эпистемическому уровню – к тому, как Dasein познает и выбирает. Социальное и биологическое суть фактичность, а суверенитет есть экзистенциально-эпистемическая способность. Это означает, что дискуссия между Э. В. Ильенковым и Д. И. Дубровским разрешается не через выбор одной из позиций, а через экзистенциально-эпистемическое снятие – через признание того, что обе позиции описывают различные аспекты единого процесса, но ни одна из них не достигает уровня экзистенциально-эпистемического анализа. По М. Хайдеггеру (2023, с. 263), субстанция человека есть экзистенция. Это означает, что «сущность» человека не в том, что он есть (социальное содержание или биологический субстрат), а в том, как он есть – в его способности к экзистированию, к выбору себя. Когнитивный суверенитет есть реализация этой экзистенции в условиях тотальной детерминации, осуществляемая через когнитивные процессы, становящиеся возможными благодаря экзистенциальной структуре Dasein.

Предложенная парадигма открывает путь к эмпирическим исследованиям и практическим приложениям.

Предложенная модель имеет фундаментальное значение для педагогики и образования. Задача современного образования – не просто наполнить голову ученика информацией, а помочь ему сформировать механизмы рефлексивного выбора, критического мышления, ценностного самоопределения. В терминах авторской модели это означает: образование должно быть направлено не только на трансляцию «содержательного наполнения» (знаний, норм, ценностей), но и на развитие когнитивной решимости как экзистенциально-эпистемической способности.

Конкретные практики развития когнитивной решимости в образовании включают:

- во-первых, развитие рефлексивного торможения – обучение способности останавливать автоматические реакции и вводить рефлексивную паузу. Это может быть достигнуто через практики медитации, философские диалоги, анализ собственных когнитивных ошибок;
- во-вторых, развитие экзистенциальной рефлексии – обучение способности осознавать конечность собственного бытия и значимость выбора. Это может быть достигнуто через изучение экзистенциальной философии, ведение рефлексивных дневников, участие в философских семинарах;
- в-третьих, развитие интерсубъективной верификации – обучение способности проверять подлинность выбора через коммуникацию с другими. Это может быть достигнуто через диалогические практики, групповые дискуссии, совместные проекты;
- в-четвертых, развитие экзистенциальной ответственности – обучение способности принимать ответственность за свои выборы и их последствия. Это может быть достигнуто через практики принятия решений, анализ этических дилемм, участие в социальных проектах.

Понимание когнитивного суверенитета как экзистенциально-эпистемической способности позволяет точнее проектировать стратегии информационной безопасности.

Конкретные стратегии развития когнитивной резистентности включают:

- во-первых, развитие алгоритмической грамотности – обучение способности распознавать алгоритмические паттерны и критически оценивать их воздействие. Это включает понимание того, как работают рекомендательные системы, как формируются информационные пузыри, как осуществляется поведенческий выбор;
- во-вторых, развитие когнитивного иммунитета – обучение способности противостоять информационным манипуляциям через развитие критического мышления и рефлексивного торможения. Это включает практики распознавания когнитивных искажений, анализа информационных источников, оценки достоверности информации;

- в-третьих, развитие коллективной рефлексии – создание сообществ, практикующих совместный анализ алгоритмического воздействия и выработку стратегий сопротивления. Это включает создание дискуссионных площадок, проведение совместных исследований, развитие сетей солидарности;
- в-четвертых, развитие экзистенциальной автономии – поддержка способности индивида определять свои ценности и цели независимо от алгоритмических предписаний. Это включает практики самоопределения, ценностной рефлексии, экзистенциального выбора.

В терминах представленной автором модели защита когнитивного суверенитета требует не только внешних ограничений, но и развития когнитивной решимости – способности к рефлексивной остановке перед лицом алгоритмических манипуляций.

Предложенная модель ориентирует психологическую практику на диагностику не только способностей и свойств личности, но и уровня развития когнитивной решимости как экзистенциально-эпистемической способности.

Конкретные направления психологической работы включают:

- во-первых, диагностику экзистенциальных условий – оценку того, насколько индивид осознает свою заброшенность, конечность, способен ли к тревоге как экзистенциальному расположению и к решимости как экзистенциальному акту;
- во-вторых, развитие рефлексивных способностей – помощь в развитии способности к самоотображению, оценке собственных мотивов, желаний и убеждений;
- в-третьих, поддержку экзистенциального выбора – помощь в принятии решений, основанных на собственных ценностях и целях, а не на внешних предписаниях;
- в-четвертых, развитие intersubъективной компетенции – помощь в развитии способности к подлинной коммуникации и взаимному признанию.

Это позволяет перейти от фатализма «генетической предопределенности» и иллюзий «всемогущества воспитания» к реалистичной и гуманной практике, помогающей каждому индивиду максимально реализовать свой потенциал как суверенной личности.

Предложенная концепция имеет прямое отношение к пониманию правосубъектности в цифровую эпоху. Как показано в исследовании юридического конфликта, «человек в конфликте с правом» есть антропологический тип, выполняющий функцию «правового будильника» в культуре (Большаков, Панов, 2026, с. 938).

Конкретные импликации для юридической практики включают:

- во-первых, понимание правосубъектности как экзистенциальной способности – признание того, что способность быть субъектом права коренится не только в формальных критериях, но и в экзистенциальной способности к самоопределению и ответственности;
- во-вторых, защиту когнитивного суверенитета как правовую ценность – признание когнитивного суверенитета объектом правовой защиты в условиях тотальной алгоритмической детерминации;
- в-третьих, развитие правовой рефлексии – поддержку способности индивида к правовой самоидентификации, не сводимой к алгоритмически сгенерированным шаблонам;
- в-четвертых, защиту intersubъективного пространства – защиту пространства подлинной коммуникации, в котором возможна intersubъективная верификация правовых норм и ценностей.

Когнитивный суверенитет в этом контексте есть способность индивида к правовой самоидентификации, не сводимой к алгоритмически заданным границам.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Когнитивный суверенитет получает экзистенциально-эпистемическое обоснование как способность Dasein, становящаяся возможной благодаря экзистенциальному разрыву между фактичностью и экзистенцией. Когнитивный суверенитет не есть онтологическая структура Dasein и не есть психологическое качество, это экзистенциально-эпистемическая способность – способ бытия Dasein, делающий возможными определенные когнитивные процессы.

2. Экзистенциальный разрыв есть структура Dasein, конституируемая заброшенностью, бытием-к-смерти, тревогой и решимостью. Он представляет собой условие возможности когнитивных процессов выбора, рефлексии и самодетерминации.

3. Четырехуровневая модель когнитивного суверенитета (субстратная основа, содержательное наполнение, рефлексивный механизм, волевой акт) получает экзистенциально-эпистемическую интерпретацию: каждый уровень описывает когнитивные процессы, становящиеся возможными благодаря соответствующим экзистенциалам как условиям их возможности.

4. Когнитивная решимость как исторический модус решимости позволяет дополнить фундаментальную онтологию М. Хайдеггера, давая ответ на вызовы цифровой эпохи, в которой подлинный выбор систематически симулируется алгоритмами.

5. Intersubъективное измерение когнитивного суверенитета органически включено в модель, поскольку Dasein всегда есть Mitsein. Подлинный выбор не может быть чисто индивидуальным достижением, но необходимо включает коммуникацию с другими и взаимное признание.

6. Дискуссия Э. В. Ильенкова и Д. И. Дубровского получает окончательное разрешение через экзистенциально-эпистемическое снятие: обе позиции описывают фактичность Dasein (социальное содержание и биологический субстрат), но не достигают уровня экзистенциально-эпистемического анализа (условий возможности когнитивных процессов).

7. Предлагаемая концепция экзистенциально-эпистемического реализма утверждает: человек не есть продукт социума и не есть функция мозга. Человек есть Dasein – сущее, для которого в его бытии дело идет о самом этом бытии. И когнитивный суверенитет есть не что иное, как экзистенциально-эпистемическая способность Dasein реализовать это свое бытие в условиях, когда каждый его шаг пытаются предопределить – социально, биологически и алгоритмически. Эта способность становится возможной благодаря экзистенциальному разрыву – зазору между тем, что есть, и тем, что может быть, – который является условием возможности всякого подлинного познания и выбора.

Важнейший практический вывод из проведенного исследования – предостережение о том, что современные цифровые практики симулируют суверенитет, фактически уничтожая экзистенциальный разрыв и сводя выбор к алгоритмической операции.

Это создает опасность, которую можно назвать «неподлинным суверенитетом» – ситуацию, в которой индивид убежден, что он выбирает, но на самом деле его выбор предопределен алгоритмическим сценарием. В терминах представленной модели – это ситуация, в которой рефлексивный механизм (ставший возможным благодаря тревоге) и волевой акт (ставший возможным благодаря решимости) симулируются, а на самом деле имеют место лишь автоматические реакции, выдаваемые за свободный выбор. В цифровую эпоху когнитивный суверенитет требует нового осмысления как экзистенциально-эпистемической способности, которая не может быть делегирована алгоритмам.

Проведенное исследование открывает широкие перспективы для дальнейших научных изысканий. Наиболее значимыми из них являются следующие:

1. Разработка концепции «диалогического Dasein» как новой парадигмы философской антропологии. В этой парадигме когнитивный суверенитет понимается не как изоляция от алгоритмов, а как способность участвовать в подлинном диалоге, сохраняя при этом свою голосовую идентичность. Суверенное Dasein – это не то, что закрывается от алгоритмов, а то, что говорит своим голосом в пространстве, где алгоритмы тоже имеют голос.

2. Эмпирическая верификация модели на материале конкретных исследований когнитивных процессов, нейропластичности и социального научения. Это открывает возможность исследовать, как экзистенциальные факторы (тревога, решимость) влияют на нейропластичные процессы.

3. Исследование алгоритмической среды как нового «люда» (das Man). В этой перспективе алгоритмическая среда может быть понята как новая – технологическая – форма «люда», которая не просто предлагает интерпретации, но генерирует их в реальном времени, адаптируясь к каждому индивиду. Сопrotивление алгоритмической детерминации требует не просто индивидуальной решимости, но коллективной практики различения.

4. Разработка практик когнитивного суверенитета как диалогических практик: практики внимания (способность замечать алгоритмические паттерны), практики диалога (способность вступать в подлинный диалог с другими), практики совместной рефлексии (способность коллективно анализировать алгоритмическое воздействие), практики самоопределения (способность определять себя через собственный голос).

5. Исследование патологий когнитивного суверенитета – ситуаций, в которых экзистенциальный разрыв закрывается, а когнитивная решимость подменяется автоматическими реакциями. Это включает анализ феноменов цифровой зависимости, манипуляции сознанием, тотальной алгоритмической детерминации.

Источники | References

1. Большаков Е. В. Диалектика идеального в концепциях Эвальда Васильевича Ильенкова и Давида Израилевича Дубровского: к построению антропологической концепции суверенной когнитивной системы // Манускрипт. 2026а. Т. 19. № 2. <https://doi.org/10.30853/mns20260077>
2. Большаков Е. В. Социальная реальность как онтологическая основа соотношения нравственности, морали и права: от антропоцентричной объективации к кибернетической intersubjectивности // Манускрипт. 2026б. Т. 19. № 1. <https://doi.org/10.30853/mns20260047>
3. Большаков Е. В., Панов А. А. Юридический конфликт как антропологический и культурный феномен: диалектика правового бытия человека // Манускрипт. 2026с. Т. 19. № 2. <https://doi.org/10.30853/mns20260123>
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
5. Дубровский Д. И. К 50-летию дискуссии с Э. В. Ильенковым по проблеме идеального // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3. № 4. <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-15-29>
6. Дубровский Д. И. Проблема идеального: субъективная реальность. М.: Канон, 2002.
7. Дубровский Д. И. Проблема «сознание и мозг»: информационный подход // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4.
8. Ильенков Э. В. Идеальное и реальность. 1960-1979: сборник / авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон-плюс, 2018.
9. Ильенков Э. В. Психика и мозг. Ответ Д. И. Дубровскому // Вопросы философии. 1968. № 11.

10. Марков Б. В. Мораль и право в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. № 4. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.406>
11. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии / предисл. Ф. Энгельса; пер. И. И. Степанова-Скворцова. М.: Госполитиздат, 1952.
12. Удалова Л. В. Цифровое общество: риски и вызовы приватности // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2025. № 3 (42). <https://doi.org/10.46573/2409-1391-2025-3-21-30>
13. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2001.
14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Сухум: АПСН, 2023.

Информация об авторах | Author information

Большаков Евгений Владимирович¹, к. филос. н.

¹ Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Evgeny Vladimirovich Bolshakov¹, PhD

¹ Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

¹ relativus@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.07.2026; опубликовано online (published online): 04.08.2026.

Ключевые слова (keywords): структура Dasein; экзистенциальный разрыв; когнитивный суверенитет; когнитивная решимость; экзистенциально-эпистемический реализм; Dasein structure; existential gap; cognitive sovereignty; cognitive resoluteness; existential-epistemic realism.